

Полина Раевская

Соткана солью

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Р16

Р16 **Раевская П.**
Соткана солью / Полина Раевская – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2026. – 364 с.

ISBN 978-5-524-00756-8

Когда тебе сильно за тридцать и тебя ни раз предавали, перестаешь верить в чудеса и прекрасных принцев. Я уже ничего не ждала, посвятив себя работе, пока в мою жизнь не ворвался этот наглый, самоуверенный мальчишка. Он молод, амбициозен и не признает слова "нет". У него впереди чемпионский титул и все лучшее, что может подарить успех. У меня же - разрушенные мечты, куча разочарований и страхов. Нам однозначно не по пути, но, кажется, мы заблудились.

ISBN 978-5-524-00756-8

© Lennex Corp, 2026
© П. Раевская, 2026

Полина Раевская

Соткана солью

УДК 82-3
ББК 84
Р16

Раевская П.

Р16 Соткана солью / Полина Раевская. – М.: Литнет, 2026. – 364 с.

ISBN 978-5-524-00756-8

Когда тебе сильно за тридцать и тебя ни раз предавали, перестаешь верить в чудеса и прекрасных принцев. Я уже ничего не ждала, посвятив себя работе, пока в мою жизнь не ворвался этот наглый, самоуверенный мальчишка. Он молод, амбициозен и не признает слова «нет». У него впереди чемпионский титул и все лучшее, что может подарить успех. У меня же – разрушенные мечты, куча разочарований и страхов. Нам однозначно не по пути, но, кажется, мы заблудились.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00756-8

© Литнет, 2026

© Раевская П., 2026

1

2003 год

– Мам, я дома, – раздаётся из холла голос сына.

Неохотно вынырываю из финансового отчёта и с удивлением обнаруживаю, что уже стемнело.

С ума сойти! А ведь собиралась всего лишь краем глаза пробежаться по основным показателям.

Кажется, дочь права: я окончательно превратилась в трудоголика.

Кому скажи из приятельниц, что меня по-настоящему увлекает контроль плановых показателей, ОПУ, ОДДС и прочие детали управленческого учёта, покрутят у виска.

Им проще списать мою увлеченность и успех на то, что я – несчастная разведенка, которая пытается утопить в работе свое одиночество и боль.

Возможно, сначала так и было, но сейчас... Я, правда, люблю свое дело, горю им. В нем я обрела, наконец, себя. Собрала по кусочкам.

Развод сильно меня подкосил. Двадцать лет брака – огромный срок, на который положена вся молодость. Обидно до отчаянного воя, что все разрушилось именно тогда, когда уже меньше сил и возможностей для нового старта.

Как говорится, готовила – готовила сани с лета, а тут вдруг получается, что встречать тебе зиму в одиночестве и без саней.

Эти мысли привычно нагоняют тоску. Снимаю очки и перевожу усталый взгляд на открывающийся из французского окна вид.

От сверкающего миллионами огней Лос-Анджелеса, как и всегда, захватывает дух. Сама не замечаю, как выхожу к бассейну. С края холма, на котором стоит особняк, вид еще круче.

Не знаю, сколько понадобится лет, чтобы я привыкла к этой красоте. Пока, по прошествии трех, я все еще в полном восторге.

Прикрываю глаза и подставляю лицо под горячий, порывистый Санта-Ана. В этом году зима особенно теплая, хотя мне, прожившей большую часть своей жизни в Сибири, даже самая холодная здесь кажется жарким летом.

Если я о чем-то и не жалела в своей жизни – так это о переезде сюда. Порой, даже утешала себя циничной мыслью, что этот особняк в традиционном стиле Пасифик-Палисейдс и моя нынешняя жизнь стоили того, чтобы терпеть Долгова и его измены.

А что?

В конце концов, мало, какая женщина из российской глубинки с интересной, но не блистательной внешностью и не семи пядей во лбу становится хозяйкой роскошного особняка за сорок два миллиона долларов в Беверли-Хиллз. И все лишь потому, что однажды влюбилась и родила детей от хваткого, пробивного парнишки, сумевшего своей дерзостью, умом и предприимчивостью обеспечить шикарное будущее не только детям, но и внукам с правнуками...

Если рассматривать с точки зрения психологии примитивных инстинктов, то выбрала я самца, что надо.

Настоящего альфу!

Все, что от него требовалось, сделал и даже с лихвой: мамонта забил, всех конкурентов уничтожил, детей защитил, вырастил. И все бы ничего, но по той же психологии такие мужчины всегда полигамны.

Такая вот, понимаешь ли, природа альфа-самца, победителя и прочий подобный бред, которым я долгие годы засоряла себе мозги, пока однажды не случилась она... Любовь всей его гребанной жизни!

И знаете что? Она в пух и прах разбила мой картонный, малодушный домик, доказав, что нет никакой психологически-оправданной херни. Всё просто: тебя либо любят и ценят, либо нет.

И это, пожалуй, больнее всего. Было бы легче, если бы мой бывший муж просто был такой, а не я не смогла стать той женщиной, которую бы он уважал и боялся потерять.

– Мам, ты чего застыла? – раздаётся за спиной голос сына.

Вздрогнув, торопливо смахиваю подступившие вдруг слезы и сама себе дивлюсь.

С чего накатило?! Отболело ведь уже давно.

– Задумалась, сынок. – натянув улыбку, поворачиваюсь. – Пойдем ужинать? Мари приготовила твою любимую пасту.

Дениска кивает и, обнявшись, мы идём в столовую.

– Ну, рассказывай. Как тебе новый клуб, как все прошло? Ты доволен или лучше было остаться в Уайлд Кард? – видя взбудораженное состояние сына, спрашиваю, как только садимся за стол.

Сегодня у Дениса была первая тренировка в одном из известных боксерских клубов, в который не так-то просто попасть, даже будучи сыном олигарха.

Естественно, Дениске не терпится поделиться впечатлениями.

– Мам, ну, конечно, доволен! Это же клуб Глиссона! Все мечтают там тренироваться. Сегодня, знаешь, кто приезжал? Сам «Бум-Бум»!

– Так ты же его уже видел. Вы разве не на его бой с отцом ездили?

– Ну, ты сравнила! Посмотреть бой и получить мастер-класс от легенды – это же вообще...

Не в силах подобрать достойное сравнение, сын жестом показывает, как это запредельно круто, я же едва сдерживаю тяжёлый вздох. Надежда, что он разочаруется и, наконец, бросит этот идиотский спорт, в очередной раз угасла.

Пожалуй, давно надо было смириться с тем, что он планирует связать свою судьбу с боксом, но у меня не получалось.

Каждый раз, когда видела его разбитое лицо после соревнований и то, как у него все болит после спаррингов, сердце обливалось кровью. В такие моменты я ещё сильнее ненавидела Долгова и себя – слабохарактерную курицу, позволившую самодуру реализовывать свои несбывшиеся мечты за счёт ребёнка.

– А ещё там теперь тренируется Красавин, представляешь?! – продолжает меж тем Дениска фонтанировать восторгом.

– Красавин... это кто? – отзываюсь на автомате, все ещё погруженная в свои невесёлые мысли.

2

– Мам, ну я же тебе рассказывал, – прилетает мне заслуженный упрёк. Благо, сын на эмоциях, поэтому, не заикливаясь, продолжает дальше.

– «Красавчик Бо» – один из главных претендентов на чемпионский титул в тяжёлом весе. Ты бы его видела! Там такая мощь, такая скорость! При этом так красиво, чётко все отрабатывает. Мы с папой, когда последний его бой смотрели, такой кайф словили! Папа вообще в лютом восторге. Говорит, Богдан ему его в молодости напоминает: у него такая же была техника. И что, если бы не бросил, то наверняка стал бы чемпионом, а не возился вот с этим вот всем... Ну, знаешь же папу, – Дениска со смешком закатывает глаза, мне же остаётся лишь понимающе хмыкнуть.

Только Долгов может, будучи миллиардером, грустить о том, что ему не пробили голову где-то на ринге за парочку миллионов.

Весь ужин Дениска с упоением рассказывает про своего нового кумира. Я стараюсь ничего не пропустить, дабы больше не выглядеть незаинтересованной. После развода крайне важно уделять детям больше внимания, чтобы они знали и чувствовали, что маме и папе они по-прежнему важны и нужны.

К Долгову касательно этого вопроса у меня нет претензий. Он всегда был заинтересованным отцом и, если ради кого и мог себя в чем-то ущемить, то только ради детей.

Однако, иногда очень хочется, чтобы он был одним из тех воскресных папаш, которые ограничиваются алиментами. И когда Денис, зная моё отношение, заикается о том, чтобы провести с отцом и его новой семьёй Рождество, и Новый год, я понимаю, что это и есть тот самый случай.

– Ты туда не поедешь! – отрезаю безапелляционно, чувствуя, как откуда-то из глубины поднимается вся эта желчная, болезненная муть.

– Но почему? Ты все равно будешь занята своим рестиком. Оля уедет отдыхать с друзьями, бабушка с дядей тоже не приедут. А мне что делать? Я снега хочу! Надоела эта жара! – ожидаемо негодует сын.

Наверное, правильная мать должна пересилить себя и сделать все, чтобы её ребёнок был счастлив. Но я не могу. Просто даже физически не могу, меня всю от злости скручивает, стоит только представить, как эта лживая, мелкая дрянь будет улыбаться моему сыну и строить из себя хорошенькую после того, как трахалась с Долговым чуть ли не у нас под носом, наплевав на всякую мораль.

Нет! Ни за что не подпущу ее снова к своим детям! Достаточно того, что моя дочь после таких подруг вообще перестала верить людям. Да и в конце концов, почему я должна лицемерить?

Ну, почему?!

Этот кобель и его сука будут вонзать мне нож в спину, а я корчить из себя понимающую?!

Вот уж хрен! Пусть эгоистично, мелко, глупо. Плевать! Детям хорошо, когда хорошо их матери. Да и в чем, собственно, проблема?

Общаться с детьми я Долгову не препятствую. Ради бога, сколько душе угодно, я только рада. Но играть с ними и своей новой женошкой в семью – уж извините.

Что за необходимость? Возможности позволяют ему видеть детей на нейтральной территории, так что пусть успокоится и вообще скажет «спасибо» за то, что я пошла навстречу после всего, что он наворотил.

– Денис, по-моему, мы уже это обсуждали. Ещё раз повторяю, ты не поедешь в тот дом! Если соскучился по зиме...

– Я соскучился по отцу! – обрывает сын. Мои нервы натягиваются до предела, но невероятным усилием воли, спокойно парирую:

– Будут каникулы, и целую неделю проведёшь с ним в Аспене. Осталось совсем немного потерпеть...

– Я не буду ничего терпеть! Это мой отец, а не чужой дядя! И он, и Настя ждут меня на праздники!

– А я сказала, будешь! – повышаю голос, не в силах сдержать гнев. Ненавистное имя действует на меня, как красная тряпка.

Возможно, я слишком многого хочу от четырнадцатилетнего мальчика, который долго не видел отца и истосковался. Но все же, мне кажется, он уже должен понимать, как мне это все неприятно. Однако, последовавший ответ убеждает в обратном.

– Ну, конечно, тебе лишь бы всем все испортить! Только о себе и своих обидах вечно думаешь! Ты даже ко мне на тренировку и соревнования не едешь из принципа, чтобы отцу что-то доказать. Вот только ему давно до тебя нет дела! – подскакивает он из-за стола и, с грохотом отшвырнув от себя вилку, уходит из столовой.

У меня же чувство, будто придавило тяжелой плитой. Не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни пошевелиться.

3

Говорят, что бы ты ни делал для своих детей, в определенном возрасте они упрекнут тебя за это.

Истинная правда.

Всю свою жизнь я посвятила детям и их интересам. Как бы не было тяжело, взяла на себя роль «плохого полицейского», чтобы мои сын и дочь выросли достойными людьми.

Пока папа был праздником, я выполняла всю неблагодарную работу, объясняя, что такое хорошо, а что – плохо.

Сцепив зубы, я поддерживала в Ольке и Дениске светлый образ отца, несмотря на все унижения и боль, что мне пришлось от него вытерпеть, справедливо полагая, что это был мой выбор и дети не виноваты, что я по глупости выбрала им в отцы самодура, ба лагура и бабника.

И в общем-то, так оно и есть, но иногда, как сейчас, до слез обидно и больно, что никто этого не ценит, более того, даже не замечает.

Расположившись на шезлонге у бассейна, сжимаю в руке бокал с вином и, глядя на ночное небо, едва сдерживаю слезы, в который раз спрашивая тишину, что я не так сделала в этой жизни? За что она меня все время наказывает? Почему, как бы я ни старалась, все равно остаюсь виноватой, брошенной, и несчастной? Ведь, сколько ни отрицай, ни занимайся самообманом, убеждая себя, что все у меня есть, внутри-то пустота.

Счастья нет, да и не было никогда по сути. Так... всплески радости на фоне беспросветной борьбы то за одно, то за другое, а в итоге проигрыш по всем фронтам.

Знаю, в самокопании нет никакого смысла, только маята сплошная, но иногда очень хочется себя пожалеть.

Наверное, дожалелась бы я до поросычьего визга. Уж очень больно оказалось услышать от сына такую отповедь, но позвонила дочь.

– Мам, что у вас случилось? – начала она без предисловий. Что-то, а ходить вокруг да около Олька не любила. Прямая, как рельса.

– А что у нас? У нас все, как всегда, – уже слегка опьянев, пожимаю плечами и, тяжело вздохнув, отставляю бокал. На его дне я точно счастье не найду, да и не стоит лишний раз демонстрировать свою слабость детям. Я уже давно исчерпала лимит, пока жила с их отцом.

– Ага, охотно верю, – продолжает меж тем Олька. – Мне сейчас звонил Денис, он ужасно расстроен. Мам...

– Что? – снова тяжело вздыхаю, решив, что дочь сейчас начнет упрашивать отпустить Дениску к отцу и его новой семье. Однако, Олька, помедлив, осторожно произносит:

– Ты не обижайся на него. Он просто... Знаешь, со временем он все поймет и оценит. Да и сейчас уже понимает, иначе не попросил бы меня позвонить. Я ведь тоже такой была, а потом повзрослела и увидела, что ты для нас всё, а папа... папа он... я знаю, любит, никогда не оставит и будет рядом, но у него всегда была своя жизнь помимо нас. У тебя же вся жизнь в нас и... спасибо тебе за это! Я очень тебя люблю, мам, и ценю все, что ты для нас делаешь и делаешь. Не расстраивайся, ладно? Просто Дениска скучает.

Я тяжело сглатываю колючий ком и, задрожав, все же даю волю слезам. Что я там говорила? Счастья нет?

Глупости. Вот оно – самое что ни на есть. В моих прекрасных детях, а остальное все – дурь и блажь. Надо просто поменьше работать, а то с таким графиком кто угодно взвоят.

– И я тебя люблю, дочунь, – взяв себя в руки, возвращаюсь к разговору. – Ты как? Все хорошо?

– Да, мамуль, все прекрасно. Жду каникулы, у нас столько планов...

Олька рассказывает, что они с друзьями наметили, а я слышу в ее голосе впервые за последние три года былой энтузиазм, и снова слезы на глаза наворачиваются.